

ББК 85.128

А.Л. Усанова

**Художественно-бытовые традиции в СССР 1920–1930-х гг.
как источник научного знания**

A.L. Usanova

**Art and Everyday Traditions in the USSR in 1920–1930s
as a Source of Scientific Knowledge**

Рассматривается процесс и условия формирования предметно-пространственной среды жилого интерьера в СССР 1-й половины XX в., анализируется социокультурный аспект сложения художественно-бытовых традиций как особой формы народного творчества.

Ключевые слова: художественно-бытовые традиции, советский жилой интерьер, предметно-пространственная среда, эстетическая концепция, народные традиции, советское искусство.

The article deals with the process and conditions of the subject-spatial environment of residential interior design in the USSR in the first part of the twentieth century, analyzes the socio-cultural aspect of the addition of art and everyday traditions as a special form of folk art.

Key words: art and everyday traditions, Soviet apartment interior, domain-spatial environment, aesthetic concept, folk tradition, Soviet art.

Большие стили и направления, бытовавшие в прошлых эпохах, находили свое воплощение не только в монументальных видах искусства, но и в малых формах предметно-бытовой среды — посуде, мебели, оформлении витрин, убранстве интерьера, оформлении девичьих альбомов и дамском рукоделии.

В статье современного историка искусства, искусствоведа Е. Деготь приводится тезис одного из первых исследователей предметного быта Г. Кнабе: «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами» [1, с. 204]. Таким образом, изучение предметной среды, ее пластических, стилевых, конструктивных и художественных особенностей позволяет, заполняя лакуны историко-культурного пространства, воссоздать объективную и цельную картину его бытования. В контексте предметно-пространственной среды современными исследователями (В. Метальниковой, В. Рождественским, А. Яковлевой и др.) рассматриваются архитектурный декор индивидуального жилища, предметы домашнего обихода — мебель, посуда, изделия, предназначенные для их постоянного функционального использования и украшения среды обитания, все то, что идентифицируется В. Метальниковой как бытовой дизайн [2, с. 112].

В настоящее время в обществе наблюдается всплеск интереса к недавнему прошлому страны, причем не только и не столько к политическим событиям, но и искусству, культуре, быту советского периода. В ряде городов открываются, нередко частным порядком, музеи СССР, например, в Новосибирске, Казани, «Мир времени» в Барнауле. Создаются сайты любителей советского искусства («СовИзо», ав-

тор — искусствовед, исследователь советского искусства О. О. Ройтенберг). Телевидение предлагает циклы публицистических передач о советском образе жизни и о бытовых традициях в СССР, издаются книги о различных аспектах советской повседневной культуры, в рекламе и маркетинге актуализируется обращение к советским эпитетам как к своеобразному бренду — «кремлевский», «обкомовский» и пр. [3, с. 27]. В обиходе при характеристике различных художественно-культурных, бытовых явлений все чаще обращаются к обобщающему понятию — «советский стиль», однако в искусствоведческой литературе еще не сформулировано его четкого определения в силу неоднозначности и разнородности художественно-культурного ландшафта СССР.

В настоящей статье нами предпринята попытка выявить особенности сложения художественно-бытовых традиций в СССР 1-й половины XX в. При этом анализируется прежде всего социокультурный аспект их формирования. В основе данного подхода лежит тезис О. Д. Балдиной о том, что «бытовой дизайн как сфера проявления творческого потенциала в нашей стране связана не только с жадой самовыражения, творческой энергией, но во многом обусловлена потребностями людей (жителей города и деревни, центральных и отдаленных областей, районов), социально-экономическими условиями жизни» [4, с. 71].

Объект нашего интереса — формирование предметно-пространственной среды жилого интерьера в СССР — до недавнего времени рассматривался либо в «этнографическом» контексте, либо косвенно, в рамках самостоятельного художественного творчества, в то время как стихийное, а не системное творчество масс, с его «живым» языком и локальными

модами, территориально оставалось лишь своеобразными деталями быта. Однако сегодня ковровая живопись, вышитая картина, гипсовая и деревянная пластика, рукотворная мебель — все то, что украшало и «согревало» жизненное пространство миллионов граждан СССР, рассматривается как часть народной художественной культуры и нерегламентированное проявление творческого потенциала человека. В коллективном труде Российского института культурологи «Народная культура в современных условиях», изданном в 2000 г., впервые дается определение рукотворной предметной среде жилого интерьера — «бытовой дизайн». Кроме того, рассматриваются его природа и взаимосвязи с различными типами художественной культуры — традиционной народной, профессиональной и «промежуточной» культурами.

Процесс сложения художественно-бытовых традиций в СССР обусловлен как общеизвестными историческими событиями, так и специфическими для разных регионов страны социокультурными факторами и культурно-художественными установками.

Решающее значение для разрушения устойчивых культурно-бытовых традиций населения России имели политические и социальные потрясения начала XX в.: декларативная отмена сословий в ноябре 1917 г., Гражданская война, эмиграция из страны, массовая миграция сельского населения в 1-й половине XX в. При этом потоки миграции происходили в разных направлениях и контекстах: насильственная, в регионы с более суровым климатом в случае раскулачивания и высылки, и вынужденно-добровольная в города, на объекты социалистическихстроек. Сущность происходящих перемен воплощена в строках «Интернационала» о разрушении «старого мира» до основания и последовательного строительства «нового мира».

«Новый мир» в контексте нашего исследования — новые художественно-бытовые традиции — начинают формироваться к середине 1920-х гг. в условиях новой экономической политики страны в городах европейской части России. Однако структура данного явления отнюдь не однородна. Условно можно выделить ряд групп городского населения с разными эстетическими установками и крестьянство с устойчивыми художественно-культурными традициями.

Это прежде всего группа городского населения, включающая в себя ортодоксальных большевиков, людей, ориентированных прежде всего на духовные ценности (условно назовем их «сознательные аскеты»). Следующая группа — «совслужащие» (советские служащие). Данную группу, помимо «дореволюционной» технической, творческой интеллигенции, составляли бывшие городские обыватели, выходцы из семей разночинцев, мещан, партийные «выдвиженцы». Значительная по численности уже в 20-х гг. и многократно увеличившаяся к 30-м гг. группа городских низов — «рабочая окраина».

Стоит выделить малочисленную группу, сосредоточенную в основном в столичной среде новой творческой, технической интеллигенции, ориентированной на «ЛЕФовские» идеи и ценности, однако обладающей значительным агитационно-пропагандистским потенциалом. Намерения революционного переустройства всей предметно-пространственной среды унаследованного большевиками «старого мира» выражены в стихотворных декларациях В. Маяковского «О дряни», «Старое и новое», отражающие «ЛЕФовские» лозунги 1922–1928 гг. и направленные на «борьбу с мещанством» с «фарфорово-фаянсовой диктатурой» за «новый обобществленный быт». Так, С. Бойм, анализируя художественную ситуацию в России конца 1920-х — начала 1930-х гг. в статье «Китч и социалистический реализм», пишет о том, что «... кампания по борьбе с домашним хламом была одной из последних, массовых акций конструктивистов. Запланированная на 1929 г. выставка „Антиэстетические элементы в советском быту“, своего рода выставка „дегенеративного быта“ уже не состоялась. Более того, в начале 1930-х многие лидеры кампании борьбы с домашним хламом были уничтожены» [5, с. 56].

Таким образом, схожие на первый взгляд позиции первой и последней социокультурных групп в отношении «вещного мира» представляют собой не столько противоположные, сколько разновекторные направления. В первом случае аскетичная утилитарность материального мира — субъективная идейно-нравственная антитеза «буржуазности». Во второй группе суровый лаконизм предметной среды «нового советского быта» — прогрессивная художественная концепция. Однако эстетические принципы рассмотренных выше групп не оказали значительного влияния на сложения «новых» художественно-бытовых установок по ряду причин: «аскеты-ортодоксы» — в силу малочисленности подобной категории людей в любом обществе, а новаторы-конструктивисты, при всей оптимистической нацеленности своих теорий «жизнестроения» на массовое распространение, не смогли вырваться за рамки уникальных проектов и опытных образцов из-за отсутствия экономической базы для индустрии быта на рубеже 20–30-х гг. и последовавшей вскоре принципиальной смены идеологических ориентиров в сфере искусства и художественной культуры в целом.

Следовательно, объективную картину формирования художественно-бытовых традиций СССР 20–30-х гг. XX в. может дать только всесторонний последовательный анализ данного явления в среде наиболее обширной категории городского населения — рабочих. Стремительное увеличение городского населения происходило именно за счет притока рабочей силы из деревень. Так, по оценке историков, к началу 30-х гг. население Москвы увеличилось с 1,5 до 3 млн человек.

Первые признаки деформации художественно-бытовых традиций городского населения во многом связаны

с директивным решением «жилищного вопроса» в начале 20-х гг. Жилищная политика выражалась в экспроприации домов, квартир (нередко целиком с мебелью, домашней утварью), принадлежащих ранее зажиточным горожанам домовладельцам, купеческому сословию, для дальнейшего «уплотнения» жилых помещений. Изъятые «жилплощади» заселялись «выдвиженцами» из партийной, рабочей среды, недавними выходцами из городских окраин, окрестных сел. Провинциальные малые города эта программа затронула в меньшей мере. Вещи, обесцененные и брошенные прежними владельцами в экстремальную «пятилетку» 1917–1922 гг., для «новых хозяев» с их крестьянским, уважительным отношением к предметному миру в целом являлись осязаемым воплощением обещанной «большевиками» социальной справедливости. НЭП, пришедший на смену «военному коммунизму», укрепил в массовом сознании ценность обустроенного быта.

В 30-х гг. развернувшаяся индустриализация и насильственная коллективизация спровоцировали небывалый приток в города выходцев из деревни. Вчерашние крестьяне селились в общежитиях и наскоро возводимых бараках, при этом разрушение «традиционных механизмов общинного контроля над поведением бывших крестьян, попавших в новую среду обитания, приводило к тому, что города захлестывала волна различных проявлений девиантности» [6, с. 88]. Такая ущербная урбанизация, складывающаяся в силу определенных экономических, историко-культурных и экстремальных условий на протяжении десятилетий, породила пласт культурно-бытовых установок у значительной части городского населения СССР, получивших название «барачной» культуры. Стремление власти к недопущению окончательного разрушения социокультурной основы городской жизни привело к формированию определенной культурной политики в области повседневной жизни, которую В. Волков назвал «огороживанием» новой рабочей силы [7, с. 218]. Популяризация и пропаганда идеи культурности выражались не только в выпуске целого ряда печатных изданий («Культура и быт» 1930–1932 гг., «Женский журнал» 1926–1930 гг., «Искусство в массы» 1930–1932 гг.), но и в повсеместном формировании институтов и широкой сети «культпросветдвижения». Кроме того, важную функцию по распространению и внедрению бытовой культуры выполняли активистки женского движения, куда входили жены инженеров, технических работников, партийных деятелей.

Общественницы патронировали санитарное состояние, уровень благоустроенности рабочих общежитий и условия проживания рабочих семей.

Следующий уровень освоения культурности во второй половине 30-х гг. представлял собой повышение стандартов потребления, что нашло свое выражение в известном лозунге Сталина 1935 г.: «Жить стало лучше; жить стало веселее». Этим лозунгом было санкционировано право на зажиточную и относительно благоустроенную жизнь, а понятие бытовой культурности стало отождествляться с культурой потребления. Этот процесс явился едва ли не ключевым в сложении определенных художественно-бытовых традиций и в формировании эстетических установок бытового дизайна в СССР. Поощрение потребительской культуры дало людям возможность в какой-то степени удовлетворить свою тягу к уюту и комфорту. Население начинает покупать мебель и предметы домашнего обихода, в домах горожан обосновались вещи, которые можно назвать символическими в плане «культуры быта» — абажуры, этажерки, жардиньерки и др. Однако слабо развитая индустрия быта и высокая стоимость изделий делали эти вещи малодоступными для большинства. По замечанию О. Д. Балдиной, «на протяжении многих лет государство социалистического типа не в состоянии было удовлетворить нужды населения — ни в жилищных условиях, ни в продовольствии, ни в предметах быта, хотя и сохраняло эту роль за собой. Вот тогда-то инициатива самого населения стала перерастать в целую отрасль по конструированию и производству предметно-пространственной среды» [8, с. 145].

Таким образом, определяя особенности сложения художественно-бытовых традиций в СССР 20–30-х гг., можно сформулировать выводы об уникальности данного явления как не имеющего исторического аналога, когда в условиях социокультурного хаоса формируется новая ветвь народной художественной культуры XX в. — советский бытовой дизайн. Как и в ряде самостоятельных нетрадиционных проявлений народной культуры (наивном искусстве, городском низовом фольклоре), в бытовом дизайне «демонтируются» стилевые предпочтения, ориентации на некоторые из них, импровизация, воображение, традиции народной и «ученой» культуры. Наконец происходит формирование, воссоздание собственных представлений об эстетике. Все это, бесспорно, делает настоящее явление особенно привлекательным и интересным для изучения» [8, с. 147].

Библиографический список

1. Деготь Е. От товара к товарищу: К эстетике нерыночного предмета // Логос. — 2000. — № 5–6.
2. Метальникова В. Стандартное и индивидуальное в сфере предметной среды. Формирование промежуточной

культуры, ее специфика в современных условиях // Народная культура в современных условиях / отв. ред. Н. Г. Михайлова. — М., 2000.

3. Горалик Л. Символика и символы советской эпохи в современном российском брендинге // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. — 2007. — № 3.

4. Балдина О. Предметно-материальный мир традиционной народной культуры прошлого в современных условиях // Народная культура в современных условиях / отв. ред. Н. Г. Михайлова. — М., 2000.

5. Бойм С. Китч и социалистический реализм // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 15.

6. Климовичева А. Бытовая культура советских горожан в 1930-е гг. // Вестник СамГУ. — 2006. — № 10/1 (50).

7. Волков В. Концепция культурности, 1935–38 гг.: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. — 1996. — № 1/2.

8. Балдина О. Формирование предметно-пространственной среды, бытовой дизайн как область повседневного творчества // Народная культура в современных условиях / отв. ред. Н. Г. Михайлова. — М., 2000.